

Андрей Черетаев

Сибирский Робинзон

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Ч46

Черетаев А. А.

Сибирский Робинзон / Черетаев А. А. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 222 с.

ISBN 978-5-532-92842-8

Можно ли выжить в результате авиакатастрофы, оказавшись в сибирской тайге один на один с её суровой природой, если ты почти лишен надежды на спасение? Если ты искалечен, а голод и холод не способствуют заживлению ран? Если боль и отчаяние поджидают тебя именно в тот момент, когда кажется, что пора уже расслабиться? Если даже воспоминания заставляют тебя страдать? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92842-8

© Черетаев А. А., текст, 2006
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава первая. Человек дождя	4
Глава вторая. Катастрофа	13
Глава третья. Первые сутки после катастрофы	28
Глава четвертая. Вторые сутки	37
Глава пятая. Серафим	48
Глава шестая. Третьи сутки	58
Глава седьмая. Четвертые сутки отчаяния	65
Глава восьмая. Пиршество робинзона	79
Глава девятая. День пятый	88
Глава десятая. Ева	97
Глава одиннадцатая. Я учусь готовить и шить	108
Глава двенадцатая. Грустный вечер	120
Глава тринадцатая. День седьмой. Восхождение на гору . .	128
Глава четырнадцатая. Самый счастливый день в моей жизни	145
Глава пятнадцатая. День девятый. Волки	155
Глава шестнадцатая. Огонь моей надежды	175
Глава семнадцатая. День одиннадцатый. В осаде	190
Глава восемнадцатая. Последняя битва	198
Глава девятнадцатая. Жив, курилка?	208
Эпилог, или все хорошо, что хорошо заканчивается	217

Глава первая. Человек дождя

...И мы тонем, хотя знаем, где брод...

В.Цой

В этом году мне ужасно не везло. Неприятности следовали за неприятностями, словно напустил порчу злобный колдун. Хотя сейчас, анализируя прошлое, могу с большой долей уверенности сказать, что эти неприятности я создавал себе сам. Теперь я прекрасно вижу и понимаю глупость, а подчас пагубность многих своих странных и, как оказалось, очень опасных затей. Утешает одно: я не один такой! Наверное, это особенность русского характера – сначала создавать себе трудности, а затем их преодолевать...

Как известно, азартные игры чреваты пагубными последствиями, тем более, если вы слабоваты умом и ваши нервы ни к чёрту не годятся. Но особо не рекомендуется, во всех без исключения случаях, играть с Жизнью и с Государством. Уж больно эти партнеры повадками напоминают хитрых и бесчестных шулёров. Они либо всегда играют краплеными картами, либо в их колоде семь тузов. Играть с ними себе дороже, в лучшем случае рискуете остаться без порток, в худшем.....

И вот сентябрьским вечером, уподобившись пушкинскому Герману, я решил сыграть в покер с Жизнью. Кому-то она красной девицей покажется, а ко мне обернулась вкрадчивой старушенцией-графиней. Игра началась.

В свой тридцатый день рождения я сидел на маленькой кухне, сплошь заваленной старыми газетами, немытой посудой и ненужным барахлом, которое давно следовало выкинуть на помойку. Но на это я уже не обращал никакого внимания, ибо буквально был затоплен черным, как зимняя ночь, отчаянием. Страшнее окружающего убожества была только картина внутренней духовной нищеты и разрухи, неожиданно открывшаяся для меня. Куда ни глянь – либо разруха, либо пустота. И обидней всего, что во всем случившемся

виноват был только я сам. И что мне делать, я не знал. Никаких перспектив в моей жизни не просматривалось.

Нет, я прекрасно понимаю, что в таком возрасте еще рано подводить итоги. И, следуя советам древнего философа, это дело я разумно откладывал на последние часы и минуты своего существования. Но душевная слабость, предательски подкравшись, ловко усадила меня на старый деревянный стул с продавленным сиденьем. Для всех это был стул как стул, для меня же он превратился в электрический. Сидя на нем, я испытывал не менее, а может быть и более страшные муки, чем приговоренные к смерти американские уголовники.

Я не сидел бы на нем, если бы не потерял Еву и вообще был внимательней к женщинам. Перефразируя на современный лад классика, уж слишком поздно я предложил ей снять квартирку, завести китайского мопса или сиамскую кошку, купить стиральную машину и фикус в кадучке. Почему? В чём причина, что после нескольких месяцев жаркой страсти, а может быть, даже и любви, Ева почти мгновенно потеряла ко мне всякий интерес?

«А может быть не мгновенно? – с ужасом подумал я. – Вдруг я пропустил, проморгал тот самый момент, когда она стала переосмысливать наши отношения? А я, ослеплённый любовью, ничего не замечал, пустив все на самотёк... А любовью ли я был ослеплён? – возник сам собою коварный вопрос. – Не факт, что только любовью, – честно признался я себе. – И красотой тоже».

В ответ на моё предложение, показавшееся ей наиглупейшим из всех когда-либо услышанных, Ева зло воскликнула:

– Ха! Ты же неудачник из неудачников... Ты неудачник! – с какой-то садисткой злостью произнесла она по слогам последнее слово. – Да чтобы я связала с тобой свою жизнь? Мне нравятся настоящие мужики, понимаешь, настоящие мужчины! Пусть у него болтается на шее хоть три золотых цепи, ради бога, – тут она эффектно воздела руки, – если это ему нравится, лишь бы он зарабатывал приличные деньги и ездил на хорошей машине... Ты себя хотя бы раз видел со стороны, хлюпик?

Она еще минут пять распекала меня, как злая учительница школьника-двоечника, прогулявшего урок. Она утверждала, что общение со мною ей доставляет такую же радость, как лицезрение прокурора подсудимым... Видимо, в ней заговорил адвокат. Вылив на меня ушат едких оскорблений, она заключила:

– Прощай, неудачник! Ты, ты, – она судорожно подбирало подходящее слово, – ты, ты..... пустое место!

Я глуповато улыбнулся. А как я мог еще отреагировать на это? Сказать, что она невоспитанная девушка? Что может быть, она и права, но в подобных случаях обычно говорят, например: «Амиго, адъёс»? Что не справедливо называть меня «неудачником или пустым местом», хотя бы по отношению к себе самой... Ведь не такого же она любила все это время?!

Но ничего из этого я не сказал, а она швырнула на пол ключи от машины и ушла, хлопнув дверью. Одни люди хлопают дверями, другие ушами и глазами, тоскливо подумалось мне. Вот таким образом мне был вынесен вотум недоверия, и я оказался в отставке.

А потом три дня бегал в магазин за «горькой», доведя себя до ручки. Три дня ни на секунду не расставался со старой поцарапанной машиной.

«Я помню все твои трещинки», – пьяно мычал я, выпив очередную порцию водки.

Этот телефон с потертыми кнопками был со мною всегда и везде. И прежде чем провалиться в пьяное забытие, я видел перед собой чертову машину с разряжающимся аккумулятором. А вместе с аккумулятором разряжался и я.

«Когда упадёт последний лист, когда разрядится телефон, я умру, – безнадежно вздыхая, думал я. – Последний лист».

А ведь я мог бы сейчас бродить по набережным Босфора и Золотого Рога, мимо мечетей и султанских дворцов, по старым улицам и площадям Стамбула-Константинополя, города моей мечты. Я мечтал прикоснуться к стенам Святой Софии, прикоснуться к храму, символу истории; увидеть красивейшие купола «Голубой мечети» и Сулейманийе, отдохнуть в тенистых садах Топкапы...

Это же надо, так по-идиотски опоздать на самолёт! На такое способны лишь единицы, и я в их числе... В числе идиотов... неудачников... Что правда, то правда, и скрыть это невозможно... Тогда я вышел из дома за два часа до вылета, хотя в это время мне уже следовало быть в аэропорту. В одиннадцать пятьдесят девять, выскочив из электрички в Домодедово, я, по простоте душевной, еще надеялся успеть на свой двенадцатичасовой самолет!

– Итого, – принялся я подводить промежуточные итоги, – кто в жизни получает промежуточные дивиденды, я же одни обломы. Мои друзья либо спились, либо давно семейные люди... А у меня ни семьи, ни денег, ни приличной работы...

Червячок сомнения по поводу работы поселился в моей душе приблизительно полтора года назад, и постоянно допекал меня хитренькими подковыристыми вопросиками. Всё хотел выяснить, в чём заключается смысл моей работы, дескать, какая от меня польза людям? «Да никакой!» – хотелось мне крикнуть ему... Он, как яблоко, изгрыз мою душу. Я боролся с ним изо всех сил, гнал вза-шей, но он всегда возвращался и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Долбил, долбил и долбил... И, в конце концов, ему удалось убедить меня, что я зашел в нравственный тупик, ибо моя работа не нужна людям... Единственным оправданием было то, что за неё платили деньги...

«Как же стыдно заниматься глупостями, при этом строить умное лицо и говорить мудрёные слова, – с ужасом думал я, – других я ещё могу обмануть, но себя, себя-то не обманешь, правда всегда победит. И вот она победила. Какой ужас! Какой стыд и позор!»

Закрыв руками раскрасневшееся от стыда и водки лицо, я долго сидел так, боясь увидеть в темном окне собственное отражение.

В этот момент мне хотелось, чтобы рядом оказался кто-то родной, с кем можно было бы разделить тяжкую ношу. Но «...у меня есть братья, но нет родных», как спел когда-то странный поэт. А ведь семьи и существуют для того, чтобы было на кого опереться!.. И при мыслях о семье снова заскреблись в душе моей кошки, и снова загоревал я над обломками своего матримониального плана.

«Покурить, что ли?» – мелькнуло в моем хмельном мозгу.

Я поискал глазами сигареты, но ни на подоконнике, ни на столе, ни под столом их не было. Я пощупал карманы.

«Где же они? – удивился я, и тут же стукнул себя ладонью по лбу: – Вот чёрт меня побери! Я ведь бросил курить!»

Ева на дух не переносила запах табака, а уж уговорить её поцеловаться после выкуренной сигареты, было невозможно в принципе. Э-хе-хе, где ты сейчас, хорошая девушка Ева!..

В поле моего зрения попала плита, и мне захотелось очень сладкого, до приторности, чаю, причем обязательно с лимоном. Поставив закопченный чайник на плиту, я тупо созерцал синий цветок газа...

А по стеклу безразлично барабанил дождь...

Чайник засвистел. Стараясь ни о чём не думать, я налил чая в большой бокал. Бросил в него шесть ложек сахара, два кружка лимона и принялся ждать, когда напиток остынет до приемлемой температуры...

Есть такое понятие – самобичевание. Уж поверьте мне, несчастному: это детская забава по сравнению с тем, что в тот вечер я вытворял с собою. Самоуничтожение и саморазрушение собственного «Я», вот настоящая пытка для сходящего с ума человека. Кувалдой самопрезрения молотил я, не жалея сил, по своему «Эго», которое отбивалось и защищалось как могло! Но я был беспощаден, уничтожая мечты, надежды, воспоминания... Осколки чувств разлетались во все стороны...

Обхватив голову руками, я сидел и исходил потом... Я задыхался, словно стальной обруч перетянул мне грудь... Мир вокруг умирал, и я умирал вместе с ним. Мокрый и уставший, я заканчивал свой жизненный путь... Моей душе уже ничего не хотелось, да и осталось ли она со мною?

Неожиданно я понял, что больше не могу здесь находиться. Нет мне здесь места. Нет! Мне всё опротивело, и теперь пришло время покинуть свое убежище. Оно мне больше не нужно...

Одним глотком допив чай, я начал собираться. Я был спокоен и решителен, наверное, даже мужественен, и эта мысль меня страшно рассмешила. В эту минуту я мог бы гордиться собой.

«Я ухожу с улыбкой на устах, как древний герой, – пронеслось у меня в голове. А затем: – Наверное, так и сходят с ума».

Я вышел на улицу, и шквалистый дождь тут же окатил меня с ног до головы, а бешеный ветер ударил в грудь, припечатав к железной двери подъезда. Посмотрев на ключи в моей руке, я понял, что они мне больше не нужны. Я отшвырнул их; ключи резко взвились вверх и по траектории, заканчивавшейся где-то далеко в кустах, исчезли.

Не помню, как я добрался метро. Более-менее четкое представление об окружающем мире вернулось ко мне, когда я уже покинул подземный лабиринт. Стеклопакетные двери вестибюля «Новокузнецкой» вытолкнули меня в ночную Москву. Шумная и пестрая молодежь мелкими группами «тусовалась» под крышей станции. Почти все с бутылками пива, с сигаретами. Парни и девушки громко кричали и смеялись, смачно оплеывая асфальт. Раньше это «наплевательское отношение» всегда меня раздражало. Однажды я опрометчиво сделал замечание таким «верблюдам», после чего пришлось долго отбиваться, а потом резво уносить ноги...

Не обращая внимания на ливень, я направился по Пятницкой в сторону Кадышевской набережной. Бредя, как печальный ослик, по залитому водой тротуару, мимо больших ослепительных витрин кофеен, я иногда останавливался и смотрел на веселых людей, пьющих горячий кофе и поедающих сладкие пирожные.

«Жизнь – это вкусное пирожное... Мне же досталось горькое», – думал я.

В одной из кофеен возле окна, лицом ко мне, сидела симпатичная девушка. Она со смехом, кормила с ложечки своего друга.

«Идиллическая картинка, – подумалось мне. – Прямо как у О.Генри в «Дарах волхвов».

Голубые глаза девушки светились счастьем. Улыбка розовых губ, как спасительный маяк в грозовую ночь, манили к себе. Я стоял и смотрел на неё, пока она вдруг не заметила меня. В глазах ее мелькнул испуг. Отшатнувшись, я перебежал на другую сторону улицы. Впрочем, скорее, перебрался вброд, ибо мостовая превратилась в полноводный поток.

Дождь шел стеной. Водосточные трубы старых особняков не успевали поглощать воду, и стены домов скрывались за тонкими занавесками ручейков, сбегавших с краин жестяных крыш. Впереди замаячили желтые огни автомашины, стремительно приближавшейся ко мне. Тёмного цвета бегемотоподобный джип с ревом надвигался, поднимая из-под широких колес огромные волны. Еще секунда и волна окатила меня с ног до головы, но мне было наплевать.

Стоит ли расстраиваться из-за того, что уже не имеет значения?

Игнорируя красный свет светофора, я перешел на набережную и оказался на мосту через Москву-реку. Вот река бежит себе и бежит. Сколько ей лет? Десять тысяч, сто?! Сколько поколений прожило на её берегах, трудясь, воюя, радуясь и плача?

Опустив руки в карманы мокрой куртки, я любовался водой. Она меня притягивала к себе своею величественной неспешностью.

«Конечно, куда ей спешить, когда впереди вечность», – вспомнилась китайская поговорка.

Громкий смех заставил меня оглянуться. Мимо в потоке дождя проплывала сладкая парочка влюбленных, пухленькая девчушка и такой же упитанный паренёк. Он рассказывал что-то забавное, заставляя свою подругу смеяться от души. Молодой человек заботливо прикрывал подругу зонтиком, так что ему самому места не осталось. Они прошли, не обратив на меня никакого внимания.

Не обратили внимания на одиноко стоящего на мосту человека!

Краешком глаза я заметил, как девушка, еще плотнее прижалась к своему молодому человеку, поправив зонт в его руке.

«Эгоисты! – подумал я и тут же рассердился на себя. – А чего ты хочешь, чтобы они, как принц Флоризель, приняли в тебе участие? – парировал мой внутренний голос. – Нет уж, коли сам что задумал, то и делай все сам, и нечего кого-либо впутывать в это дело!»

Я с тоскою оглянулся по сторонам. Слева, за рекой возвышались купола Василия Блаженного. «Если бы не галлоговая подсветка, то их точно не было бы видно», – пришла мне в голову посторонняя мысль. Я долго смотрел на купола, пытаюсь представить их во